

Лейви ШЕР

Великое и смешное всегда рядом

**Главы из второй части книги
«Память просыпается во сне»**

Каждый год перед 20 августа в прессе разворачиваются яростные споры о том, чьей заслугой является восстановление независимости Эстонии, кто сыграл в этом главную роль?

Поскольку волею судеб мне довелось в конце 80-х – начале 90-х годов оказаться в самой гуще политической жизни Эстонии, сначала в качестве журналиста, а затем внешнеполитического советника Председателя Верховного Совета Эстонской Республики, то осмелюсь высказать и свои, совершенно субъективные суждения по этому поводу.

Говорить о серьезном диссидентском движении в Эстонии начала 80-х годов не приходится. К этому времени было покончено даже с одиночками. Это не значит, что все готовы были отдать жизнь за идеалы коммунизма, но и рисковать не то, что жизнью или свободой, но даже благополучием, борясь против этих идеалов, желающих не находилось. Максимум, на что хватало отваги, – на национализм на бытовом уровне – его, кстати, в те годы было значительно больше, чем сейчас.

Смелость национал-радикалы обрели тогда, когда это стало безопасно – на заключительном этапе перестройки, крах которой был предопределен самой ее половинчатостью – стремлением и невинностью, т.е. коммунистический режим, соблудности, и капитал – в полном смысле этого слова – приобрести.

Силовые скрепы СССР по мере падения в пропасть его экономики неминуемо ослаблялись. Это и дало возможность провести знаменитый митинг в парке Хирве, на котором я был в качестве журналиста Эстонского телеграфного агентства. По всем советским канонам, речи на этом митинге должны были привести к неминуемым арестам ораторов, да и большинства участников. Кроме той примерно трети собравшихся, которые представляли КГБ, милицию, партийные органы – имеется в виду Компартия Эстонии. Однако никакими репрессиями этот эпизод не завершился. По очень простой причине – этому воспрепятствовали те самые партийные органы.

Руководство КПЭ, возглавляемое Вайно Вялясом, вероятно, не было антикоммунистическим. Но оно было прагматическим. Оно видело, что сохранение существующего режима ведет к экономической катастрофе, а все попытки перемен в рамках этого режима лишь усугубляют положение. Вяляс сумел сделать то, чего не смог Горбачев – будучи продуктом и порождением советской системы вырваться за ее

рамки, осознать, что косметической перестройки быть не может, что старая машина обречена на слом.

Много лет спустя Вайно Вяляс скажет, что главной его задачей в то время было не допустить крови. Пусть мне приклеивают какие угодно ярлыки, я снимаю шляпу перед Вялясом – он свою задачу выполнил до конца.

Когда 16 ноября 1988 года Верховный Совет Эстонской ССР принял Декларацию о суверенитете, именно от Вяляса исходило распоряжение немедленно опубликовать текст декларации. Дело было в том, что сразу же за принятием этого документа последовал созыв на 27 ноября Президиума Верховного Совета СССР, на котором декларация должна была быть аннулирована. Но любое решение Верховного Совета союзной республики вступало в силу через десять дней после опубликования в республиканской печати. Отменить уже вступившее в силу решение не мог никто, кроме того, кто его принял. Следовательно, к 27 ноября должны были истечь 10 дней. Но газеты с датой 16 ноября уже вышли. И тогда произошло уникальное событие: удалось договориться с редакторами двух партийных газет – «Рахва хяэль» и «Советской Эстонии» и с типографией ЦК Компартии Эстонии о выпуске совместного экстренного издания. В 15 часов 16 ноября из типографии поступили первые экземпляры специального совместного выпуска двух газет. На одной стороне листа, под «шапкой» «Рахва хяэль» был текст декларации на эстонском языке, на другой, под «шапкой» «Советской Эстонии» - на русском.

27 августа весь водопад гнева обрушился в Москве на Председателя Президиума Верховного Совета Эстонии Арнольда Рюйтеля. Центральное телевидение показывало его исключительно со склоненной головой. На самом деле, он в это время смотрел в свои записи. Рюитель чувствовал себя достаточно уверенно – декларация вступила в силу, и обратный путь был уже отрезан. Но четыре часа гневного обличения в предательстве, в том числе со стороны лужьяновских подпевал, которые вскоре, осознав слабость центральной власти, стали главными националистами и баями-диктаторами в бывших союзных республиках, не легкое испытание.

Довелось мне вместе с академиком Михаилом Бронштейном участвовать в подготовке выступления на Съезде народных депутатов СССР председателя Совета министров ЭССР Индрека Тооме, в котором он предупреждал, что если не перейти к кардинальным переменам, включая предоставление союзным республикам экономической самостоятельности, то ситуация может выйти из-под контроля. Тогда концепция экономического хозрасчета союзных республик – порождение четырех эстонских политиков Эдгара Сависаара, Тийта Маде, Микка Титма и Сийма Калласа, воспринималась Горбачевым как недопустимая ересь. Он созрел для этого только два года спустя, в проекте Союзного договора. Но к этому времени поезд уже ушел. А тогда Горбачев оборвал Тооме, не дослушав, и стал кричать: «Вы нам угрожаете!». «Не угрожаю, а предупреждаю», - ответил Индрек.

Вообще, о Съездах народных депутатов СССР стоит говорить особо. Лучше всего обстановку на них характеризует родившаяся там поговорка: «Кто «за» - поднимите тубетейки, кто «против» - положите партбилеты!» И не стоит придавать ей расистский характер. Просто делегации среднеазиатских республик резко делились на две части: партийно-советская номенклатура, раболепно угадывавшая все желания своего республиканского предводителя-коммуниста, ставшего затем баем-диктатором, и

людей, что называется, «от сохи» - чабанов, хлопкоробов. Привыкшие к простору и свежему воздуху, они откровенно изнемогали в довольно душном зале Дворца съездов, засыпали во время многочасовых заседаний и будились только для того, чтобы поднять руки при голосовании. Я даже вставил зарисовку такого рода в отчет об одном из заседаний, понаблюдав за поведением сидевших прямо за делегацией Эстонии туркменов. На следующий день в 9 часов утра, когда мы собрались в вестибюле постпредства, чтобы ехать в Кремль, ко мне подошел Вайно Вяляс. «В «Советской Эстонии» твой материал?» - спросил он. Я не стал отпираться. «Мне звонил возмущенный Гапуров (первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана) с претензией, что мы унижаем туркменский народ. Пиши опровержение».

Меня поразило не то, что предстоит опровергать имеющий место факт, а то, что в такую рань Гапуров уже знал, что написано в сегодняшней эстонской газете! Полагаю, что без Лубянки здесь не обошлось.

Когда мы в обед вернулись в постпредство, я представил Вялясу на визу текст опровержения: «Во вчерашнем номере нашей газеты в отчете о заседании Съезда народных депутатов СССР допущена ошибка. Там написано, что члены туркменской делегации на заседаниях спят. На самом деле они не спят».

Вяляс достаточно умный человек, чтобы понять комизм ситуации. Я на это и, честно говоря, рассчитывал. Он прочитал. Сделал угрюмое лицо, потом махнул рукой: «Из-за тебя мне пришлось с Гапуровым бутылку выпить. Конфликт считается улаженным».

Я это пишу к тому, что Вяляс и его сторонники в КПЭ уже в 1989 году прекрасно понимали, к чему идет дело. В то же время он пользовался большим авторитетом у Горбачева, Яковлева и Шеварднадзе, что давало возможность развития событий в нужном направлении без применения силы со стороны Москвы. Но именно это не устраивало наших национал-радикалов, финансировавшихся в основном эстонской эмиграцией в США и других странах. На фоне плавного развития ситуации они, во-первых, не могли выделиться в качестве главной силы освободительного процесса, во-вторых, не имели повода вопить о преследованиях, а отсюда, не могли рассчитывать и на щедрые финансовые подачки. На самом деле, на том этапе линии вялясовской КПЭ и сависаареского Народного фронта практически совпадали.

Остается только сожалеть, что эта рациональная и обоснованная политика уступила под давлением демагогии и опрыскивания народа ядом радикального национализма, приведшего затем к открытому провозглашению лозунга «Эстония – для эстонцев!».

И в завершение размышлений о роли третьей силы, которую стараются не замечать, когда речь идет о восстановлении государственной независимости Эстонии, не могу не сказать о решающих августовских днях 1991 года.

19 августа я был разбужен телефонным звонком – срочным вызовом на работу и к 7 утра был в Кадриорге. Под звуки «Лебединого озера» мы собрались в кабинете Рюйтеля. Он уже успел получить информацию из Москвы. Теперь вопрос был в том, как на нее реагировать. До сих пор в аппарате Председателя Верховного Совета боролись два мнения относительно провозглашения полной независимости Эстонии. Одни считали, что надо это делать немедленно, вторые, опасаясь силовой реакции со стороны Москвы, советовали выждать подходящий момент. Не скрою, я относился ко вторым. Что провозглашение независимости неизбежно, я понимал, но в то же время,

назовите это трусостью или осторожностью, мурашки пробежали по телу от предчувствия грядущих радикальных перемен, от краха всего пусть и плохого, но знакомого и привычного, от неопределенности будущего, которое может стать и кровавым.

Путч развеял все сомнения. Стало ясно, что при режиме этой компании, ничего хорошего ожидать не приходится. Тем более, что главу ГКЧ Геннадия Янаева я имел «счастье» знать, когда он еще был председателем Комитета молодежных организаций СССР – филиала КГБ в комсомоле. И уже тогда не мог сказать о нем ничего хорошего, кроме того, что не дурак выпить.

В Верховном Совете и правительстве началась подготовка текста документа о восстановлении государственной независимости.

20 августа было провозглашено восстановление Эстонии как независимого государства. Однако реакция на это в мире была более, чем прохладной. Сколько сейчас не лижут наши националисты во главе с Тунне Келамом пятки американцам, факт остается фактом – США отнюдь не поспешили сразу же признать Эстонию как государство.

20 августа в Кадриорге, в кабинете Арнольда Рюйтеля, прошла четырехчасовая дискуссия с прибывшим из Риги заместителем командующего войсками Прибалтийского военного округа генерал-лейтенантом Мельничуком (или Мельниченко – могу ошибаться), назначенным ГКЧП «диктатором» Эстонии. В начале встречи он объявил о том, что берет бразды правления на себя, а после многочасовых уговоров возглавлявшейся государственным советником Арно Альманном команды не совершать государственной измены и не нарушать присяги, предавая законного Верховного Главнокомандующего, встреча завершилась призывом генерала не делать резких движений. В то же время командиры почти всех расквартированных в Эстонии советских воинских соединений, кроме, как мне помнится, полка гражданской обороны, дислоцировавшегося в Кохтла-Ярве, заявили, что не дадут вовлечь военнослужащих в политическую борьбу.

Однако эстонская сторона уже не могла не делать резких движений. Через пару часов после окончания визита генерала, Эстония была провозглашена парламентом независимым государством, не входящим в состав СССР. А вскоре поступили данные о том, что из Пскова идут колонны бронетехники. На Таллинском аэродроме высадились группа десантников, которая разместилась на траве в ожидании приказа.

Вечером я встретил в расположенной в подвале столовой (мы были переведены на казарменное положение) известного кинорежиссера и члена президиума Верховного Совета Кальё Кийска. Он был совершенно пьян и весь выражал сплошное удивление. Его рассказ, однако, вскоре внес ясность. Кальё ездил навстречу полку десантников, который двигался из Пскова «с целью агитации». Он хотел разъяснить солдатам, в какую игру их втягивают. Колонну он встретил уже, не доезжая до Тарту. Двигалась она крайне медленно, потому что водителями-механиками были новобранцы, у которых от бессонной ночи к тому же слипались глаза. То одна, то другая танкетка сваливалась в кювет. Колонна останавливалась, чтобы вытащить ее. А через некоторое время все повторялось. Никто из личного состава не знал, куда и зачем движутся войска. Радио включать запрещалось, газет не было. Кальё пытался что-то рассказать,

но ему такой возможности не дали. Он повернул обратно и заехал в какой-то сельский магазин, где обнаружил водку без талонов. С расстройства приложился. И крепко.

В городе тем временем создавались баррикады, завалы на пути возможного движения танков к важнейшим объектам. Инициаторами стали Народный фронт и его правительство, возглавлявшееся Эдгаром Сависааром. К баррикадам валил народ. Безоружный. Поскольку появились данные, что КГБ и сторонники ГКЧП составили список «предателей родины», подлежащих немедленному аресту, с их адресами, то решено было удалить из города наши семьи (мы все равно оставались на работе).

22 августа утром десантники вошли в Таллинн. В основном они расположились в гарнизонах, но одна группа двинулась к телевышке. Очевидно, предполагалось прервать связь с внешним миром и работу информационных каналов. Однако тут десантников ждало неодолимое препятствие. Сняв охрану, состоявшую из двух пожилых людей с револьверами «Ласточка» времен царя Гороха, они обнаружили, что лифт ушел наверх и на вызовы не отвечает – дежурный слесарь вставил между дверьми спичечный коробок, чтобы они не закрывались. А лезть по лестницам на высоту в полторы-две сотни метров никому из командования подразделением не хотелось. Наш приезд к вышке был встречен с восторгом – к нам бросился подполковник с просьбой связаться с его начальством, потому что у него солдаты не кормленные, да и распоряжений он никаких не получал. Мы поняли, что московский ГКЧ-пистский бардак (трансляцию пресловутой пресс-конференции Янаева и Ко мы уже видели) в полной мере распространяется и на периферию. Во все дни путча ЭТВ не прерывало трансляции передач, радио- и телефонная связь действовали бесперебойно. Трагедия на глазах превращалась в фарс.

22 августа вечером делегация Эстонской Республики во главе с Председателем ее Верховного Совета Арнольдом Феодоровичем Рюйтелем вылетела в Москву.

Разместились мы в постпредстве. Как назло, там проходила летняя кампания по травле тараканов. Поэтому столовая не работала. Постпред Юрий Кахн смог обеспечить нас только несколькими бутербродами и чаем. То же было и на завтрак, после которого продолжилось посещение посольств с сообщением о провозглашении независимости Эстонии. Реакция была близка к нулевой. Нам клятвенно обещали лишь довести нашу информацию до сведения соответствующих правительств.

В середине дня мы приехали в Белый дом для встречи с Русланом Хасбулатовым – тогда спикером российского парламента. Подходя к его кабинету, мы были чуть не сбиты с ног кем-то круглым и что-то громко кричавшим, промчавшимся мимо. Лишь недоуменно оглянувшись, я понял, что это круглое – Мстислав Ростропович.

Хасбулатов встретил нас, вальяжно покуривая трубку. В ответ на сообщение Рюйтеля, он стал сетовать на то, что никто ничего не делает, все приходится самому. Никакого ощутимого эффекта этот визит не дал.

Ситуация в корне изменилась лишь 24 августа, когда мы вновь приехали в Белый дом, но уже для встречи с Борисом Ельциным. Еще на подходе я растянулся, преодолевая баррикаду, и из «кейса» разлетелись все бумаги. Собирая их, я заодно прихватил какую-то являющуюся компонентом баррикады трубку, которую храню как вещественное доказательство.

Руководитель секретариата Ельцина Ильюшин, с которым я вел телефонные переговоры о визите, провел нас в кабинет своего шефа. Борис Николаевич радостно и на «ты» приветствовал Рюителя – единственного человека, который подошел к нему и пожал руку на пленуме ЦК КПСС после исключения Ельцина из Политбюро. Он тут же сообщил, что должен идти на похороны парней, погибших у Белого дома, и берет Арнольда с собой. А мы тут пока пусть подготовим проект декрета Председателя Верховного Совета РСФСР о признании независимости Эстонской Республики. Ильюшину он велел вызвать в помощь нам кого-нибудь из заместителей министра иностранных дел России. Мы вышли из кабинета в фойе четвертого этажа Белого дома. Страшно хотелось есть. На час дня мы были приглашены в посольство Франции на ланч и ждали этого с нетерпением. Похороны начались в полдень. В половине первого заместитель министра иностранных дел Эстонии Рейн Мюллерсон, государственный советник Арно Альманн, юридический советник Рюителя Адвиг Кирис, председатель комиссии по иностранным делам Верховного Совета Эстонии Индрек Тооме и я при участии замминистра иностранных дел России составили документ из нескольких строк, написав его на журнальном столике на лестничной клетке четвертого, президентского этажа московского Белого дома.

Начальства все не было. Альманн позвонил во французское посольство и извинился, что мы не приедем, объяснив причину. Попытки найти пропитание в Белом доме результата не дали. Буфеты были на третьем и пятом этажах, но наши пропуска распространялись только на четвертый.

Рюитель с Ельциным появились только в половине четвертого. Мы вновь собрались в кабинете российского лидера. Он прочитал подготовленный текст, ни слова не говоря, в 15.45 подписал его. Подозвал Ильюшина и сказал: «Какой хороший документ получился! Позвони Горбунову (Председателю Верховного Совета Латвии), пусть приезжает, и скажи, чтобы подготовили такой же декрет для Латвии!»

В приемной Ельцина мы сделали с декрета десяток копий и покинули Белый дом. В 16 часов нас ждали в посольстве ФРГ. Но тут возникло неожиданное обстоятельство. Дело в том, что Индрек должен был улетать в Тайланд. До сих пор мы передвигались на «Волге» постпреда и ржавом, без одного переднего крыла постпредовском «рафике» - «Чайку» из кремлевского гаража, которая была ему положена члену Президиума Верховного Совета СССР, Рюитель как глава уже независимого государства брать категорически отказался. Если отправить Индрека в аэропорт на «рафике», то в «Волгу» мы все, оставшиеся, не влезем. Главе независимого государства ездить по иностранным посольствам на ржавом микроавтобусе тоже как-то не пристало. Но выбора не было. Индрек уехал на «Волге».

При подъезде к посольству было решено, что машину оставим в отдалении, дабы ржа ее не вызвала ржу относительно великого Эстонского государства. Нас проводили в зал приемов посольства. Стол был сервирован кофейниками, чайниками и блюдами с кексом. Пока Рюитель объяснял суть дела, мы налегли на кекс, чем вызвали немалое удивление посла и первого секретаря посольства. Последний подмигнул службе, и ресурсы кекса были восстановлены. Но ненадолго. За это время Рюитель закончил свою речь, и мы услышали от посла традиционную фразу, что информация будет передана правительству Германии. Выждав после этого паузу, Альманн как бы

вскользь заметил, что хотел бы вручить послу копию только что подписанного декрета Ельцина о признании независимости Эстонии.

Если бы посла ужалила гремучая змея, он, вероятно, сумел сохранить дипломатическую невозмутимость, но тут его выдержки не хватило. Он понял, что имеет дело действительно с главой государства и полномочной делегацией на высшем уровне, которую угощал жалким кексиком и отговорками. Но мы уже поднялись, и посол сделал единственное, что он мог сделать, и чего, с нашей точки зрения, ему делать не следовало – он пошел нас провожать. Причем не до двери посольства, что было бы терпимо. А до машины! Вести его к ржавому автобусу мы не могли. Я заметил припаркованный у тротуара черный «Мерседес». Около него мы все и остановились, прощаясь с послом. После обмена рукопожатиями он пошел обратно к подъезду посольства, но по дороге не выдержал, обернулся и как-то недоуменно посмотрел на автомобиль. Тогда и я, посмотрев на машину пристальнее, обмер: на «Мерседесе» был дипломатический номер – это был автомобиль самого посла.

Подождав, пока посол скроется в здании, мы загрузились в свою развалюху и поехали в американское посольство.

Учитывая недавние события у Белого дома, только что назначенный новый посол США принял нас в подвальном помещении (посольство находится прямо за Белым домом). Этому помещению, правда, мог бы позавидовать не один владелец нынешних роскошных вилл. Пригласив нас сесть на диван, он расположился в кресле напротив и, задрав штанины так, что стали видны волосатые ноги, положил их на разделявший нас стеклянный столик подошвами туфель прямо под нос Рюйтелю. Вальяжным и довольно пренебрежительным тоном этот представитель главного, по утверждению нынешних лизоблюдов у власти, союзника и борца за независимость Эстонии, выслушал наше сообщение о ее провозглашении, пообещав довести до сведения господина Бейкера – тогда государственного секретаря США. Затем последовали разглагольствования о его трудной миссии и угрожающих ему в этой стране хаоса опасностях. Мы поняли, что пора вводить в бой главную ударную силу – копию ельцинского декрета. Я протянул ее Рюйтелю, а тот – послу. Что и где тот нажимал, я не заметил. Только через минуту после ознакомления с текстом в помещение вбежал встречавший нас один из секретарей посольства и что-то прошептал на ухо послу. Тот с явным чувством облегчения вскочил и заявил нам, что его срочно вызывает к телефону госсекретарь.

Вечером того же дня мы улетели в Таллинн. А утром следующего на Эстонию обрушилась лавина дипломатических признаний.

И тут мы вплотную подошли к четвертой силе, сыгравшей чрезвычайно важную роль в восстановлении независимости Эстонии. Этой силой была демократическая общественность России. Если бы Ельцин не приехал в Эстонию сразу после вильнюсских событий, то кровопролитие в Таллинне стало бы реальностью. Если бы не поддержка межрегиональной депутатской группы на Съезде народных депутатов СССР не было бы постановления по пакту Молотова-Риббентропа. Москвичи, стоявшие в очереди, чтобы проститься с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, узнав, что мы из Эстонии, заклинали нас быстрее выйти из состава СССР, чтобы затем и Москва могла зажечь по-человечески. Увы, это пока не дано ни нам, ни им. Но это уже другая тема. Если бы не Вадим Бакатин, здание на улице Пагари стало бы изрыгающей огонь цитаделью. И такие примеры можно множить долго. Однако самое главное: без

горбачевской перестройки, без принявшего на себя главный удар путчистов Белого дома, без российских демократов, наконец, без Бориса Ельцина, использовавшего развал Союза для борьбы за власть со смертельно обидевшим его Горбачевым, не было бы независимой Эстонии, несмотря на все заявления о непризнании ее вхождения в СССР со стороны США и других стран, ибо ни одна из них, кроме крохотной Исландии, не сделала на официальном уровне ничего - ведь это могло привести для них к ненужным осложнениям. Российская нефть была важнее всяких эстоний, да и из-за этих клочков земли не было никакого смысла дразнить ядерного монстра.

Я отнюдь не собираюсь умалять роль Народного фронта как организатора масс, как движение, на первом своем этапе, истинно демократическое, в том числе и в национальном вопросе. Именно его умеренно-демократический характер позволил завоевать такой авторитет и такую поддержку у народа Эстонии. Именно на его правительство выпала тяжкая доля управления страной в переходный период, по сравнению с которым нынешний «ужасный» и действительно очень тяжелый кризис выглядит детской игрушкой.

Но вот с претензиями ультрарадикальных националистов мне согласиться трудно. Если бы народ тогда пошел на поводу у них, Эстония залилась бы кровью. Их тактика была тактикой профессиональных провокаторов, и именно провоцирование бойни было их целью.

Увы, пример нацистской Германии ничему мир не научил, и на пропаганду, превозносящую тебя в противовес другим, клюют даже не самые глупые люди. Яд человеконенавистнического национализма быстро отравляет. И государственная независимость Эстонии тут ни при чем. Она восстанавливалась исходя из совершенно иных посылов. Кто сделал для этого больше, рассудит история. Но ее выводы, я уверен, будут вовсе не совпадать с историей по Марту Лаару.